

Цю Фу, увидев, что госпожа Синь повеселела, сама расслабилась и поспешила принять письмо из рук маленькой служанки, передав его госпоже Синь:

— Госпожа, посмотрите!

— Отлично.

Госпожа Синь быстро пробежала глазами письмо, и на её лице постепенно появилась довольная улыбка. Через мгновение она вздохнула с облегчением, откинулась на кушетку и, бросив резкий взгляд в сторону Дворов Жунли и Ляньхуа, тихо, но четко произнесла:

— Через несколько дней, когда Хайчао вернется ко мне, ни один злой дух не посмеет перейти мне дорогу... И этот маленький ублюдок, и эта шлюха тоже не смогут больше прыгать!

— Поздравляю госпожу!

Цю Фу, услышав, что Гу Хайчао возвращается, тоже обрадовалась. Хотя и Гу Хайчао, и Гу Хайтан были законными детьми, старший сын, несомненно, имел больше веса, чем старшая дочь, и его слова значили больше. Пока Гу Хайчао не было в доме, Гу Чжису, как сын от наложницы, мог позволить себе вольности. Но когда вернется Гу Хайчао, старший законный сын, ни Гу Чжису, ни Гу Чжимин не смогут сравниться с ним в глазах Гу Вэньмяня.

— Когда вернется старший молодой господин, вы сможете действовать с большей уверенностью. К тому же старший молодой господин обязательно поможет молодой госпоже и не позволит князю отправить её обратно в какой-нибудь даосский храм.

Госпожа Синь, после череды неудач, связанных с Гу Чжису, сначала потеряла невинность своей дочери, а затем стала жертвой выкидыша, была измотана физически и морально. Но теперь возвращение Гу Хайчао стало для неё опорой, и она невольно расслабилась, с удовлетворением прищурив глаза и с улыбкой кивнув:

— Это естественно. У Хайчао есть свои недостатки, но к Хайтан он всегда относился с особой заботой.

Сказав это, она вспомнила о чем-то еще и поспешила указать на нескольких служанок, тщательно проинструктировав их:

— Раз уж вы знаете, что старший молодой господин возвращается, быстрее идите убирать его двор, просушите одеяла и матрасы, пусть матушка Минь сошьет новую одежду. Если начнете сейчас, то к его возвращению всё будет готово.

В то время как из Двора Линьцзян отправились служанки, чтобы привести в порядок двор старшего молодого господина Гу Хайчао, в главном зале Двора Жунли Ху Цинь-эр склонилась в поклоне и доложила:

— Молодой господин, кажется, госпожа получила известие и уже начала действовать.

— Видимо, информация от Сяо Е была верной.

Гу Чжису перелистал только что нарисованные эскизы, передал их Ляньчжу и, подумав, начал рисовать следующий, спросив:

— А что насчет Чанъаня... есть ли новости?

Ху Цинь-эр, услышав вопрос, на мгновение замялась, затем, когда Гу Чжису остановился и посмотрел на неё, опустила голову и тихо ответила:

— Молодой господин, я не знаю, что именно произошло, но оба заместителя не прислали сообщений. По моим предположениям...

— Чанъань специально перехватил их?

Гу Чжису, услышав первые слова, уже догадался, о чем пойдет речь, и, не рассердившись, лишь слегка улыбнулся и покачал головой.

— Что ж, если у него есть время на такие игры и он заставил Гу Хайчао вернуться, значит, опасности нет. Мне не знать — не страшно.

Несколько дней пролетели незаметно, и в Дворах Жунли, Ляньхуа и Линьцзян царило спокойствие, словно все чего-то ждали. И вот, в один из полдней, Ляньчжу с безразличным выражением лица быстро вошла во двор, поклонилась Гу Чжису и сказала:

— Молодой господин, старший молодой господин вернулся и сейчас находится в главном дворе. Старая госпожа прислала служанку, чтобы сказать, что все из старшей ветви должны прийти в главный двор на обед.

— Такой большой шум. Видимо, мой старший брат, даже если его оттеснили на стороне, все еще сохраняет свое величие.

Гу Чжису, услышав о возвращении Гу Хайчао и о таком большом шуме, понял, что, хотя Гу Хайчао уезжал, в доме у него оставались глаза и уши, и он знал, как сын от наложницы вел себя в его отсутствие. Теперь он хотел использовать руку старой госпожи, чтобы прижать и его, и Гу Чжimina.

Хотя он не знал, что думает по этому поводу Гу Чжимин, сам он ничуть не боялся.

Поставив на место нефритовую чашку, Гу Чжису встал и, направляясь к выходу, с улыбкой пробормотал:

— Возможно, старший брат так уверенно вернулся, потому что за его спиной стоит госпожа Синь. Ведь сейчас, когда Драгоценная наложница во дворце находится в неясном положении, связь между императорской семьей и кланом Гу держится только на матери. Чтобы императорская семья полностью успокоилась, отец сейчас не может позволить себе обижать мать.

Ляньчжу, услышав это, поспешила подойти, с беспокойством в глазах:

— А вы, молодой господин...

— Конечно, пойду.

Гу Чжису опустил голову, затем, вспомнив о чем-то, снова спросил, взгляд его потемнел:

— Если старая госпожа велела всем из старшей ветви прийти... есть ли реакция со стороны Двора Мяоюэ?

Ляньчжу, услышав вопрос о Дворе Мяоюэ, на мгновение замялась, запинаясь и не находя слов.

— Что случилось?

Гу Чжису редко видел её в таком состоянии, да и вообще, за годы, проведенные в клане Гу, мало что могло вызвать у него удивление. Он вспомнил, что с тех пор, как разорвал отношения с Цзюнь-ши, намеренно не интересовался делами Двора Мяюэ, и теперь, увидев её реакцию, заинтересовался:

— Говори, не скрывай.

— Хорошо, молодой господин.

Ляньчжу, поняв, что скрывать бесполезно, хотя и не знала истинного положения Гу Чжису, знала, что Мин Лин по какой-то причине давно хотела навредить Двору Мяюэ. После того, как Цзюнь-ши перешла на сторону Гу Чжису, она не осмеливалась действовать за спиной хозяина и теперь могла честно рассказать Гу Чжису о положении Цзюнь-ши.

— В Дворе Мяюэ наложница Цзюнь, похоже, сама закрыла двор, заявив, что после дела с седьмой молодой госпожой решила посвятить себя буддизму. Старая госпожа сказала, что, раз наложница больна и желает служить Будде, освободила её и седьмую молодую госпожу от обязанности являться с приветствиями. Госпожа же, опасаясь болезни молодой госпожи, тоже...

Глядя на недоумение на лице Ляньчжу, которая не могла понять, почему Цзюнь-ши, хоть и в возрасте, но еще сохранившая красоту и имеющая сына и дочь, так жестоко поступила с собой, явно полагаясь на Гу Чжису, она могла бы еще бороться, но вместо этого выбрала дочь и сама закрыла двор, позволив другим распоряжаться своей судьбой.

Гу Чжису, думая об этих непонятных вещах, взглянул на Ляньчжу, махнул рукой и лишь вздохнул, больше не говоря ни слова:

— Сама закрыла двор... это действительно решительный шаг.

Сказав это, он очнулся, опустил голову, посмотрел на свою одежду и, приподняв бровь, сказал:

— Время поджигает. В таком наряде идти к старшему брату не годится.

Цинхуань стояла неподалеку и, услышав, что молодой господин собирается выходить, поспешила подойти, чтобы поправить его одежду, но тут же услышала слова Гу Чжису и с недоумением спросила:

— Молодой господин, почему нельзя... Это новая одежда, которую только что принесла матушка Минь. Она вам очень идет!

— Именно потому, что она мне идет и новая, старший брат не должен её видеть.

Гу Чжису, глядя на недоумевающее лицо Цинхуань, с улыбкой поправил свою одежду, провел пальцем по вышитым на воротнике цветам груши и спокойно сказал:

— Иначе получится, что старший брат вернулся, а я, сын от наложницы, уже щеголяю в новой одежде. Это ли не повод для него придраться?

Цинхуань, глядя на своего молодого господина, который в новой одежде выглядел великолепно, вспомнила, как раньше Гу Чжису носил старую одежду, с выцветшими рукавами,

хуже, чем у слуг в доме. Она топнула ногой, чувствуя, что Гу Хайчао просто невыносим, раз даже чужую одежду контролирует.

— Тогда... неужели молодой господин снова наденет старую одежду?

— А почему бы и нет? Я ведь раньше носил.

Гу Чжису с улыбкой посмотрел на неё, пока Цинхуань, разозлившись, не бросилась к сундуку, чтобы найти одежду, и добавил:

— Те старые вещи не выбросили? Выбери что-нибудь попроще, не слишком яркое.

Цинхуань кивнула и, опустив голову, ответила:

— Хорошо, молодой господин.

<http://bllate.org/book/16652/1526245>